

ПЕТРЪ ПАВЛОВИЧЪ ЕРШОВЪ

И ЕГО СКАЗКА

КОНЕКЪ-ГОРЕУНОКЪ

З. 34.
Ш. 84.
П. 5
№ 938

№ 238.

Петръ Павловичъ Ершовъ

и его сказка

„КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ“

въ пересказѣ.

Съ портретомъ автора и 10 рисунками въ текстѣ.

Издание Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Я. БАЛЯНСКАГО, Загородный пр. 74, прот. Техн. Инст.

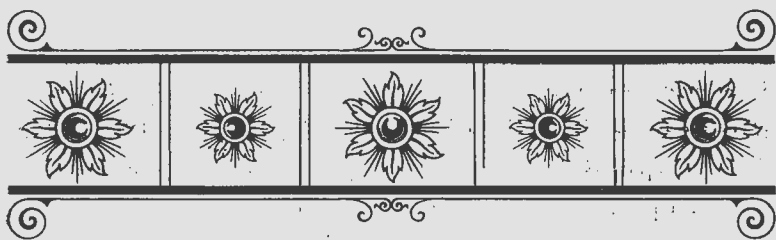
1907 г.

Свѣтоты картины къ настоящему чтенію:

1. Портретъ П. П. Ершова	стр. 5
2. Поѣздка его	« 9
3. Прощаніе его съ крестьянами	« 12
4. Иванъ видитъ кобылицу	« 18
5. Иванъ ѣдетъ на кобылицѣ	« 19
6. Иванъ догоняетъ братьевъ	« 22
7. Иванъ продастъ царю коней	« 26
8. Спальникъ воруетъ перо Жаръ-птицы	« 30
9. Иванъ ловитъ Жаръ-птицу	« 35
10. Царь-дѣвица подплываетъ къ берегу	« 39
11. Китъ выпускаетъ корабли	« 48
12. Драка ерша съ красемъ	« 50
13. Царь-дѣвица убѣждаетъ царя не жениться на ней	« 54
14. Царь-дѣвица показываетъ народу Ивана	« 59

Картины на стеклѣ: черныя — по 50 к., раскрашенныя — по 1 р. 25 к. Полный каталогъ картинъ для народныхъ аудиторій—30 к. Каталогъ фонарей высылается бесплатно.

Въ августѣ 1909 года минетъ сорокъ лѣтъ со дня смерти Петра Павловича Ершова, автора известной сказки „Конекъ-Горбунокъ“. По его собственнымъ словамъ, сказку эту онъ слышалъ въ юношескихъ годахъ отъ сибирскихъ рассказчиковъ и рассказчицъ изъ народа и передалъ ее почти слово въ слово, лишь придавъ ей стихотворную форму и мѣстами дополнивъ. Въ первый разъ „Конекъ-Горбунокъ“ былъ напечатанъ отдѣльной книжкой въ 1834 году, затѣмъ при жизни автора (скончавшагося въ 1869 г.) вышло еще шесть изданій его сказки. Последнее ея изданіе, *двадцать первое*, напечатано въ 1906 году *). Нѣкоторые отрывки изъ этой сказки покойнаго Ершова помѣщались во многихъ учебныхъ хрестоматіяхъ (т. е. книгахъ для класснаго чтенія). И навѣрно каждый изъ прочитавшихъ эту сказку, или отрывокъ изъ нея, удержалъ навсегда въ своей памяти хотя бы нѣсколько стиховъ: такъ легко и складно стихи эти написаны, что невольно запоми-

---

*) П. Ершовъ. Конекъ-Горбунокъ, русская сказка. Съ 7-ю рисунками и портретомъ автора Изд. 21-ое. Спб. 1906. Цѣна 20 к.

наются на всю жизнь. Въ этой легкости запоминанія и заключается главная причина живучести ершовскаго „Конька-Горбунка“, и можно съ увѣренностью сказать, что онъ еще долго будетъ жить въ памяти народной.

Почтимъ и мы, со своей стороны, память покойнаго автора „Конька-Горбунка“, Петра Павловича Ершова, краткимъ рассказомъ о его жизни; а для тѣхъ, кто не имѣлъ случая прочитать самую сказку или знаетъ только часть ея, передадимъ ея содержаніе.

Петръ Павловичъ Ершовъ родился 22 февраля 1815 года въ Сибири, въ Ишимскомъ округѣ Тобольской губерніи, въ селеніи Безруковѣ. Его отецъ былъ чиновникомъ и вскорѣ послѣ рожденія сына получилъ мѣсто исправника въ городѣ Березовѣ (той же губерніи), гдѣ мальчикъ и прожилъ до поступленія своего на 11-лѣтнемъ возрастѣ въ Тобольскую гимназію. Въ гимназіи онъ хорошо занимался и былъ постоянно въ числѣ первыхъ учениковъ своего класса; въ свободное же отъ занятій время любилъ прислушиваться къ рассказамъ стариковъ о жизни русскаго народа, его обычаяхъ, повѣрьяхъ и сказаніяхъ. Окончилъ онъ гимназическій курсъ 16-ти лѣтъ. Къ этому времени отецъ его, желая дать сыну высшее образованіе, перешелъ на службу въ Петербургъ и опредѣлилъ его въ Петербургскій университетъ.

Петръ Павловичъ Ершовъ.

Посѣщая университетъ, Ершовъ, между дѣломъ, занялся выполнѣніемъ задуманной имъ еще въ Тобольскѣ работы—переложѣніемъ въ стихи слышанной имъ въ Сибири сказки „Конекъ-Горбунокъ“. По окончаніи ея, онъ представилъ свой трудъ тогдашнему университетскому профессору русской словесности Плетневу, который нашелъ эту работу весьма удовлетворительною и даже прочиталъ часть ея на одной изъ своихъ лекцій студентамъ, какъ образецъ

хорошаго слога. Вскорѣ (въ 1834 г.) „Конекъ-Горбунукъ“ былъ напечатанъ—сперва въ издававшемся тогда въ Петербургѣ журналѣ „Библіотека для чтенія“, а затѣмъ отдѣльною книжкой. Сказка была встрѣчена публикой очень сочувственно и имѣла успѣхъ, что доставило молодому Ершову большую радость. Къ сожалѣнію, радость эта омрачилась случившимися около этого же времени печальными семейными событіями. Отецъ его былъ командированъ по служебному дѣлу въ южную Россію, въ городъ Херсонъ; поѣхавъ туда въ сопровожденіи жены, онъ заболѣлъ тамъ и умеръ; жена одна вернулась въ Петербургъ. Спустя нѣсколько времени, умеръ и его старшій братъ Николай, съ которымъ онъ одновременно поступилъ въ университетъ. Опечаленный этими потерями дорогихъ ему лицъ, Ершовъ загрустилъ въ опостылѣвшемъ и чуждомъ для него теперь Петербургѣ, утратилъ способность отдавать свои силы и душу привлекавшимъ его къ себѣ занятіямъ поэзіею, и затосковалъ по родной Сибири. Эти чувства были выражены имъ въ етихотвореніи „Желаніе“, напечатанномъ въ 1835 г. въ журналѣ „Библіотека для чтенія“. Приведемъ отрывокъ изъ этого стихотворенія:

„Чу! вихорь пронесся по чистому полю!

Чу! крикнулъ орелъ въ громовыхъ облакахъ!

О, дайте мнѣ крылья! о, дайте мнѣ волю!

Мнѣ тяжко, мнѣ душно въ тяжелыхъ стѣ-
нахъ.

Ни чувству простора, ни сердцу сво-
боды,

Ни вольнаго лету могучимъ крыламъ!
Все мрачно, все пусто; и юные годы,
Какъ цѣпи, влachu я по чуждымъ полямъ!

И утро заблещетъ, и вечеръ затлѣетъ,
Но горестъ могилой на сердцѣ лежитъ.
И жатва на нивѣ душевной не зрѣетъ,
И пламень небесный безсвѣтно горитъ.

О, долго-ль стенать мнѣ подъ тягостнымъ
гнетомъ?

Когда-жъ полечу я на свѣтлый востокъ?

О, дайте мнѣ волю! Орлинымъ полетомъ
Я бѣ солнца коснулся и пламя возжогъ;
Я бѣ рѣялъ въ зефирѣ *), я мчался бѣ
съ грозою,

И крылья разливомъ зари позлатилъ;
Я жадно-бѣ упился небесной росой
И ниву богатую жатвой покрылъ...

Но если бесплодно страдальца моленье,
Но если всѣмъ чуждо желанье души, —
Мой ангель-хранитель, подай мнѣ терпѣнье,
Иль пламень небесный во мнѣ потуши!...

Легко себѣ представить, какъ былъ обрадо-
ванъ Петръ Павловичъ, при тогдашнемъ его
душевномъ настроеніи, когда ему на второй
годъ по окончаніи университетскаго курса было

---

*) Медленно и плавно леталъ бы я при тихомъ вѣтрѣ.

предложено мѣсто учителя Тобольской гимназіи. Онъ съ радостью принялъ это предложеніе и немедленно же отправился со своей старушкой—матерью въ хорошо знакомый ему Тобольскъ, въ воспитавшую его гимназію.

Поступивъ учителемъ словесности въ Тобольскую гимназію, онъ черезъ 8 лѣтъ получилъ въ ней мѣсто инспектора. Съ перваго же шага своей службы въ гимназіи онъ относился съ большою любовію и постояннымъ усердіемъ къ своему дѣлу и сдѣлалъ для нея много полезнаго. Его стараніями былъ организованъ хорошій хоръ изъ воспитанниковъ, который пѣлъ и въ мѣстной церкви. Подъ его руководствомъ стали устраиваться въ свободные отъ занятій дни общеобразовательныя прогулки учениковъ, иногда на далекое разстояніе отъ Тобольска. Нѣсколько разъ въ году устраивалъ онъ въ гимназическомъ залѣ ученическія театральныя представленія, пьесы для которыхъ часто сочинялъ самъ. Принявъ въ свое завѣдываніе гимназическую библіотеку, онъ привелъ ее въ порядокъ и всемѣрно заботился о ея пополненіи и расширеніи, потративъ на это не мало своего времени и даже своихъ денежныхъ средствъ *).

Въ 1857 году Петръ Павловичъ Ершовъ былъ назначенъ директоромъ Тобольской гимназіи, а такъ какъ въ то время директоры гу-

---

*) За время завѣдыванія библіотекою имъ было пожертвовано до 500 руб.

бернскихъ гимназій завѣдывали всѣми низшими училищами той губерніи, въ которой находилась гимназія, то и Ершовъ долженъ былъ принять въ свое вѣдѣніе всѣ учебныя заведенія Тобольской губерніи. Губернія эта—одна изъ самыхъ обширныхъ губерній въ Россіи, по-

Ершову на первыхъ же порахъ пришлось совершать большія поѣздки.

этому новому директору пришлось на первыхъ же порахъ совершать большія поѣздки для ознакомленія съ принятыми имъ въ свое завѣдываніе училищами. Въ одномъ изъ его писемъ, отправленномъ въ концѣ октября 1857 г., читаемъ: „На дняхъ отправляюсь путешество-

вать по дирекціи *). А дирекція моя, нечего сказать, „дистанція огромнаго размѣра“—пять тысячъ верстъ. Нынче дѣлаю только около 3000 верстъ, оставляя остальные до февраля». Въ январѣ слѣдующаго года онъ писалъ: „Невесело я встрѣтилъ новый годъ. Исколесивъ, или, вѣрнѣе, „исполозивъ“ 2000 верстъ, я вернулся домой за два дня до праздника Рождества Христова, при морозѣ въ 37 градусовъ, и благословилъ Бога, нашедши всю семью свою здоровою. Но радость моя продолжалась только сутки: на другой день приѣзда я захворалъ лихорадкой, которая засадила меня на всѣ праздники“.

Ознакомившись съ училищами своей дирекціи, Ершовъ нашелъ большую ихъ часть въ весьма плохомъ состояніи, такъ какъ его предшественникъ, по своей небрежности, только завѣдывалъ, но не руководилъ ими, и совсѣмъ ихъ не посѣщалъ. Нѣкоторые учителя оказались совершенно незнакомыми съ приемами обученія, и Ершову приходилось самому давать въ классахъ образцовые уроки по разнымъ учебнымъ предметамъ и дѣлать учителямъ общія наставленія относительно преподаванія.

Такое печальное положеніе учебнаго дѣла въ Tobольской губерніи угнетающимъ образомъ повліяло на душевное состояніе впечатлительнаго Петра Павловича, а длинные переѣзды

---

*) „Дирекціей“ называется училищный округъ, находящійся въ вѣдѣніи одного директора. Въ данномъ случаѣ—„Тобольскую“ дирекцію составляли всѣ училища Тобольской губерніи.

по малонаселенной мѣстности, при большихъ морозахъ и сильныхъ метеляхъ, вызывали простудныя болѣзни, отъ которыхъ онъ не имѣлъ ни времени, ни возможности какъ слѣдуетъ по-лечиться. Всѣ эти неблагопріятныя условія привели къ тому, что уже на третьемъ году директорской службы Ершова появились у него признаки болѣзни сердца: начались все усиливавшіеся приступы одышки, а затѣмъ обнаружилась и водяная, что вынудило его на пятомъ году директорства (въ 1862 г.) выйти въ отставку съ пенсіею въ 1080 рублей въ годъ.

Въ первый же годъ директорства Ершову удалось осуществить его давнишнюю мечту—побывать на мѣстѣ своего рожденія, въ селеніи Безруковѣ, Ишимскаго округа. Пріѣхавъ туда и собравъ мѣстныхъ крестьянъ, онъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи оказать имъ содѣйствіе, если бы они рѣшили построить церковь на мѣстѣ того дома, въ которомъ онъ родился 32 года тому назадъ. Такъ какъ въ постройкѣ церкви въ этой мѣстности ощущалась настоящая необходимость, то крестьяне съ радостію согласились принять участие въ расходахъ по постройкѣ; о чемъ составили приговоръ, съ обязательствомъ вносить въ теченіе трехъ лѣтъ по 1 рублю съ души (что, при восьмисотенномъ слишкомъ населеніи, составило бы около 2500 руб.). Затѣмъ постройка была разрѣшена архіереемъ, планъ утвержденъ и было приобрѣтено указанное Ершовымъ мѣ-

сто. Приступили вскорѣ и къ постройкѣ этого новаго храма во имя св. Петра—въ вѣчное воспоминаніе о Петрѣ Павловичѣ. Самому ему не удалось однако дожидаться окончанія постройки, такъ какъ она задерживалась недостаткомъ средствъ. Крестьяне вскорѣ почему-то обѣднѣли и обѣщанныхъ взносовъ уплачивать

Послѣднее свиданіе Ершова съ крестьянами

были не въ силахъ. Ершовъ помогалъ, сколько могъ; приходилось ему иногда для этого даже закладывать и продавать свои вещи. Но одной его помощи было недостаточно, особенно послѣ того, какъ онъ сталъ болѣть, а затѣмъ и вышелъ въ отставку. Поэтому постройка подвигалась крайне медленно и окончилась только черезъ 6 лѣтъ послѣ смерти Петра Павловича.

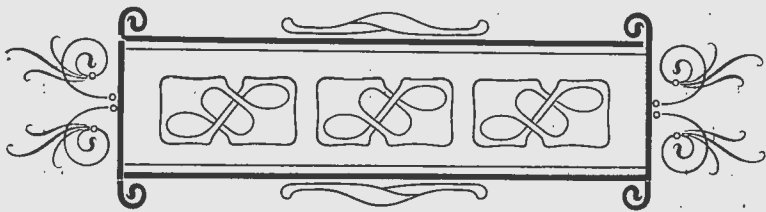
Трогательно было послѣднее свиданіе Ершова съ крестьянами. Незадолго до его кончины пришли къ нему нѣсколько крестьянъ селенія Безрукова. Ершовъ уже сильно изнемогалъ. Онъ понялъ, что крестьянамъ нужна какая нибудь помощь для отдѣлываемой церкви, а онъ—ничѣмъ уже помочь не можетъ. Прослезился Ершовъ, заплакали крестьяне, да такъ и разстались съ нимъ—навсегда.

П. Ц. Ершовъ скончался 18 августа 1869 г. За время своей жизни написалъ онъ довольно много стихотвореній, которыя тогда же печатались въ разныхъ журналахъ. Всѣ они теперь давно позабыты, и только сказка „Конекъ-Горбунокъ“ живетъ да живетъ и, вѣрно, долго еще будетъ жить въ памяти народной.

Мы приведемъ здѣсь, въ сокращенномъ пересказѣ, содержаніе этой сказки, сохраняя мѣстами стихотворное изложеніе самого Ершова.

А. Кочетовъ.

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Противъ неба, на землѣ,
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ.
У старинушки три сына:
Старшій умный былъ дѣтина,
Средній сынъ—и такъ, и сякъ,
Младшій—вовсе былъ дуракъ.
Братья сѣяли пшеницу,
Да возили въ градъ-столицу;
Знать, столица та была
Недалеко отъ села.
Тамъ пшеницу продавали,
Деньги счетомъ принимали
И, съ набитою сумой,
Возвращались домой.

Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
Приключилося имъ горе:
Кто-то въ поле сталъ ходить.
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродяся не видали;
Стали думать да гадать,
Какъ-бы вора имъ поймать.
Наконецъ себѣ смекнули,—

Чтобъ стоять на караулѣ,
Хлѣбъ ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

Вотъ, какъ стало лишь смеркаться,
Началъ старшій братъ собираться;
Вынулъ вилы и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала,
И со страха нашъ мужикъ
Завалился на сѣнникъ.
Ночь проходить, день приходитъ;
Съ сѣнника дозорный сходить;
И, обливъ себя водой,
Сталъ стучаться подъ избой:
«Эй, вы, сонныя тетери!
«Отпирайте брату двери.
«Подъ дождемъ я весь промокъ
«Съ головы до самыхъ ногъ».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его—
Не видалъ-ли онъ чего?
Караульщикъ помолился,
Вправо, влѣво поклонился,
И, прокашлявшись, сказалъ:
«Всю я ноченьку не спалъ;
«На мое-жъ притомъ несчастье
«Было страшное ненастье:
«Дождь вотъ ливмя такъ и лилъ,
«До костей меня смочилъ.

«Ужъ куда какъ было скучно!..

«Впрочемъ, все благополучно».

Стало съизнова смеркаться.

Средній братъ пошелъ собирать;

Взялъ и вилы и топоръ,

И отправился въ дозоръ.

Ночь холодная настала,

Дрожъ на малаго напала,

Зубы начали стучать...

Онъ ударился бѣжать

И всю ночь ходилъ дозоромъ

У сосѣдки подъ заборомъ.

Жутко было молодцу!...

Но вотъ утро. Онъ къ крыльцу:

«Эй, вы, сони, что вы спите!

«Брату двери отоприте:

«Ночью страшный былъ морозъ;

«До костей я весь промерзъ».

Братья двери отворили,

Караульщика впустили,

Стали спрашивать его—

Не видалъ-ли онъ чего?

Караульщикъ помолился,

Вправо, влево поклонился,

И сквозь зубы отвѣчалъ:

«Всю я ноченьку не спалъ;

«Да къ моей судьбѣ несчастной,

«Ночью холодъ былъ ужасный,

«До костей меня пробралъ,—

«Всю я ночьку продрожалъ;

«Слишкомъ было несподручно...

«Впрочемъ, все благополучно».

Стало въ третій разъ смеркаться.
Надо младшему собираться;
Онъ и усомъ не ведетъ,
На печи въ углу поетъ
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасныя вы очи!»
Братья ну ему пенять,
Стали въ поле прогонять;
Но сколь долго ни кричали,
Только голосъ потеряли:
Онъ ни съ мѣста. Наконецъ,
Подошелъ къ нему отецъ,
Говоритъ ему: „Послушай,
„Ты поди въ дозоръ, Ванюша;
„Я куплю тебѣ обновъ,
„Дамъ гороху и бобовъ».
Тутъ Иванъ съ печи слѣзаетъ.
Малахай свой надѣваетъ,
Хлѣбъ за пазуху кладетъ,
Караулъ держать идетъ.

Рѣшилъ Иванъ провести всю ночь въ полѣ,
чтобы подстеречь наконецъ того, кто топчетъ
ихъ пшеницу. На его счастье, ночь была ясная
и не холодная. Обходя поле, онъ услышалъ
конское ржанье и замѣтилъ приближавшуюся
къ ихъ полосѣ кобылицу.

Кобылица та была
Вся, какъ зимній снѣгъ, бѣла,
Грива словно золотая,
Въ мелки кольца завитая.
„Эге-ге! такъ вотъ какой

„Нашъ воришко!.. Но постой,
„Я шутить вѣдь не умѣю,
„Разомъ сяду те на шею“.

„Кобылица та была
Вся, какъ зимній снѣгъ, бѣла.

И вотъ, осторожно подкравшись и ухвативъ кобылицу за хвостъ, Иванъ мигомъ вскочилъ ей на спину задомъ напередъ (т. е. лицомъ къ хвосту) и крѣпко зажалъ ее своими ногами, не выпуская изъ рукъ хвоста. Кобылица, бѣшено сверкнувъ глазами, заметалась кругомъ по полямъ, поднялась повыше и понеслась надъ го-

рами и лѣсами... „Но Иванъ и самъ не простъ: крѣпко держится за хвостъ“. Умаялась наконецъ кобылица и, видя, что ея сѣдокъ все сидитъ да сидитъ и отъ него ей не избавиться, вернулась назадъ къ Ивановой пшеницѣ и говоритъ ему: «Видно, мнѣ теперь съ тобой не совладать, и я тебѣ сдаюсь; но съ тѣмъ, чтобы ты на нѣсколько дней мнѣ покой далъ и ухаживалъ за мной. Три дня на утренней зарѣ «выпускай меня на волю погулять по чисту полю»; на четвертый же день у меня родятся два такихъ коня, «какихъ пониѣ не бывало и въ поминѣ», а потомъ еще маленькій конекъ съ длинными ушами и двумя горбами. Первыхъ двухъ коней ты, если захочешь, можешь продать. Ну, а съ Конькомъ-Горбункомъ не разставайся ни за какую цѣну; онъ будетъ всегда тебѣ вѣрнымъ товарищемъ: зимой тебя согрѣетъ, лѣтомъ освѣжитъ, будешь ты голоденъ — накормитъ, захочешь пить — напоитъ. На пятый же день отпусти ты меня на волю, и я къ тебѣ уже больше не вернусь“.

Выслушалъ Иванъ кобылицу и повелъ ее въ пустой сарай, куда они на зиму овецъ загоняли, закрылъ дверь рогожею и пошелъ домой, съ тѣмъ, чтобы каждую ночь приходить въ сарай ночевать.

Вотъ онъ всходитъ на крыльцо
И хватается за кольцо,
Что есть силы въ дверь стучится,
Такъ что кровля шевелится,

И кричитъ на весь базаръ,
Словно сдѣлался пожаръ.
Братья съ лавокъ повскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно такъ»?
— «Это я, Иванъ-дуракъ»!
Братья двери отворили,
Дурака въ избу пустили,
И давай его ругать,
Какъ онъ смѣлъ ихъ такъ пугать!...

Много-ль времени, аль мало
Съ этой ночи пробѣжало,—
Я про это ничего
Не слыхалъ ни отъ кого.

Да и что же намъ за дѣло,
Годъ-ли, два-ли пролетѣло?...
Вѣдь за ними не бѣжать!—
Станемъ сказку продолжать.

Дѣподлинно, значить, неизвѣстно когда, но только какъ-то въ праздникъ старшій братъ Данило сильно выпилъ и (должно быть, сбившись съ дороги) забрелъ въ тотъ сарай, гдѣ Иванъ своихъ лошадокъ поставилъ. Опалѣлъ Данило, ихъ увидавши, и весь хмѣль у него изъ головы выпилло.

Дивуется онъ на лошадокъ златогривыхъ и глазамъ своимъ не вѣрить. (А Горбунокъ такъ спрятался, что онъ его и не примѣтилъ). Поспѣшилъ Данило на село пойти, чтобы среднему

брату Гаврилѣ про тѣхъ чудныхъ коней разсказать. Не повѣрилъ Гаврило и торопилъ брата самого его въ сарай свести, диво дивное ему показать. Сняли братья сапоги, чтобы легче бѣжать было, и пустились босикомъ къ сараю напрямикъ, цѣликомъ черезъ крапиву,—всѣ ноги себѣ обожгли. Прибѣжали въ сарай, стоятъ и любуются на коней: „Любо дорого смотрѣть! лишь царю бѣ на нихъ сидѣть“, думается имъ. И вотъ приходитъ при этомъ въ голову Данилѣ, какъ бы хорошо было лошадокъ этихъ къ праздничному дню въ столицу на базаръ повести,—дорого тамъ за нихъ дали бы! Сталъ онъ Гаврилу, средняго брата, смущать вмѣстѣ съ нимъ на это дѣло пойти и подъ первый же праздникъ коней златогривыхъ украсть и за ночь въ городъ на базаръ доставить.

Тамъ боярамъ продадимъ,
Деньги ровно подѣлимъ.
А съ деньжонками, самъ знаешь,
И попьешь и погуляешь.

Не устоялъ Гаврило противъ соблазна: согласился вмѣстѣ съ братомъ дѣло это обдѣлать. И уговорились они—наканунъ перваго же праздника отпроситься у отца съ вечера въ городъ пойти; и коней этихъ съ собою тогда прихватятъ, пока Иванъ не придетъ еще въ сарай на ночлегъ. А когда спохватится Иванъ коней, такъ не догадается дуракъ, куда они дѣлись: будетъ искать тамъ и сямъ, ну да лови тогда вѣтеръ въ полѣ. Такъ они въ точности все и исполнили.

Возвращается Иванъ по обычаю въ сарай ночевать, видитъ—лошадокъ его златогривыхъ нѣтъ. Удивился Иванъ, испугался—гдѣ-бъ имъ быть? Оперся онъ о стѣну, заплакалъ и жалобно такъ причитать сталъ:

„Ой, вы кони буро-сивы,
„Добры кони златогривы!
„Я-ль васъ, други, не ласкалъ!
„Да какой васъ чертъ укралъ?
„Чтобъ пропасть ему собакѣ!
„Чтобъ издохнуть въ буеракѣ!
„Чтобъ ему на томъ свѣту
„Провалиться на мосту!“

Услыхалъ слова Ивана Конекъ-Горбунокъ и явился тутъ какъ тутъ. „Напрасно, говорить, ты, Иванушка, на черта думаешь,—въ этомъ дѣлѣ чертъ ни при чемъ. Это все братья твои любезные сдѣлали—они твоихъ коней свели.

„Ну, да что болтать пустое!
„Будь, Иванушка, въ покоѣ,
„На меня скорѣй садись,
„Только знай себѣ держись!
„Я хоть роста небольшого,
„Обгоню коня любого;
„Какъ пущусь, да побѣгу,
„Такъ и братьевъ догоню.“

Сѣлъ Иванушка на Конька-Горбунка, и помчался Горбунокъ съ нимъ какъ стрѣла, такъ что „въ два мига, коль не въ мигъ, нашъ Иванъ воровъ настигъ“. Остановился рядомъ. Смути-

лись братья, когда Ивана увидали, и не на шутку испугались: думали, вѣдь, потихоньку отъ него скрыться, а онъ и захватилъ. Захватилъ, да еще издали кричать имъ сталъ:

«Стыдно, братья, воровать!

«Хоть Ивана вы умнѣе,

«Да Иванъ-то васъ честнѣе:

«Онъ у васъ коней не кралъ»!

Стало братьямъ, дѣйствительно, стыдно. И началъ Данило передъ Иваномъ оправдываться да вывертываться: «Не будемъ мы, говоритъ онъ, передъ тобой, дорогой ты нашъ Иваша, отпираться: коней, дѣйствительно, мы съ братомъ увели. Но попытаюсь я теперь тебѣ пояснить, почему мы такъ сдѣлали, и ты, какъ умный человѣкъ, конечно, меня поймешь. Живемъ мы, какъ ты самъ знаешь, не богато. Сѣмъ пшеницу и хватаетъ намъ ея только, чтобы прокормиться; а случись неурожай,—то прямо хотъ въ петлю полѣзай. Къ тому же еще и старикъ, отецъ нашъ, сталъ уже хворать и не можетъ онъ работать какъ прежде. А жить надо. Вотъ мы съ Гаврилой и протолковали всю вчерашнюю ночь, какъ этому дѣлу помочь, и порѣшили продать пару твоихъ коней; рублей тысячу, а то и больше, за нихъ дадутъ,—вотъ намъ и хватитъ на поправку. Рѣшай самъ, умный человѣкъ, вѣрно-ли мы разсудили?» Понравилась Ивану такая рѣчь, и говоритъ онъ: «Ну что-же, коней продать можно. Только вы меня, братцы, съ собой возьмите; можетъ, я дороже

васъ ихъ продамъ; а деньги всѣ ваши будутъ“ Поморщились братья, но—нечего дѣлать—согласились; пусть, молъ, самъ коней продаетъ, можетъ быть и взаправду больше выручить: вѣдь говоритъ же пословица, что «дуракамъ счастье».

Пошли они дальше втроемъ. Совсѣмъ уже темнѣть стало, и рѣшили они присѣсть отдохнуть, а коней къ деревьямъ привязали. Вдругъ видятъ они—вдали что-то засвѣтилось, какъ будто, огонь. И говоритъ Данило: «Должно быть, тамъ костеръ горитъ, а я вотъ огниво и камень забылъ съ собой захватить, такъ что и огня добыть нечѣмъ, а хорошо бы было! Сбѣгай-ка туда, братъ Ванюша, добудь отъ нихъ огонька да сюда принеси—костеръ разложимъ». А самъ въ это время думаетъ: «Чтобъ тебя тамъ задавило!» И Гаврило сталъ Ивана просить огнемъ раздобыться, а про себя въ тоже время недобрые помыслы на его счетъ имѣетъ: „Если, думаетъ онъ, это разбойники на ночлегъ остановились, то не вернуться Ивану живому; убьютъ его, али живьемъ въ плѣнъ возьмутъ,—и поминай, какъ звали.»

Послушался Иванъ старшихъ братьевъ, отправился за огнемъ. Только чтобы скорѣе желаніе ихъ исполнить, разыскалъ онъ своего Конька-Горбунка, сѣлъ на него и поѣхалъ на огонь. Подъѣзжаютъ къ огню, и дивится Иванъ: свѣту много, а тепла совсѣмъ нѣтъ. Понялъ его думу Горбунокъ и говоритъ ему: „Свѣтло въ этомъ мѣстѣ потому, что здѣсь обронила свое перо Жаръ-птица; это оно свѣтитъ, да не грѣетъ. Но

ты, Иванушка, на него не польстись, его не поднимай и съ собой не бери, а то оно тебѣ съ собою много горя и неудачъ принесетъ». Не повѣрилъ Иванъ Горбунку, жаль было ему оставить валяться перо, которое такъ чудно свѣтитъ. Поднялъ онъ его, завернулъ поплотнѣе въ тряпку, а тряпку уложилъ въ шапку, и отправился назадъ, рѣшивъ о перѣ Жаръ-птицы братьямъ ничего не говорить. Спрашиваютъ его братья, принесъ-ли онъ съ собой огня; а онъ имъ говоритъ, что когда онъ на то мѣсто пришелъ, то только обгорѣлый пенъ нашель, и какъ его ни раздувалъ, а онъ все таки погасъ; только понапрасну съ нимъ намучился. Посмѣялись братья надъ Иваномъ, какъ онъ надъ горѣлымъ пнемъ трудился; потужили, что огня не получили; ну да что-же дѣлать—переночуемъ и безъ огня.

Только разсвѣтало, отправились братья дальше. Приѣхали въ столицу, прямо на базаръ, и поставили своихъ лошадокъ златогривыхъ въ „конный рядъ“, гдѣ всѣ продажныя лошади выставлялись. Насталъ день. Поѣхалъ городничій базаръ осмотрѣть и торговлю на немъ разрѣшить. Ъдетъ онъ по «конному ряду» и видитъ въ немъ коней златогривыхъ. Остановился городничій передъ ними, залюбовался и строго-на-строго приказалъ въ конномъ ряду торговли пока не начинать, впредь до особаго его разрѣшенія. А самъ сейчасъ же къ царю поѣхалъ доложить про диковинныхъ коней, которыхъ онъ на базарѣ видѣлъ.

Подивился царь его разсказу, не совсѣмъ-то повѣрилъ и рѣшилъ, что надо ему самому немедля на базаръ ѣхать тѣхъ коней посмотрѣть, а если они вправду такіе, какъ городничій говоритъ, то для себя ихъ купить. Приѣзжаетъ царь на базаръ, къ конному ряду. Разступился передъ нимъ народъ и далъ на коней златогривыхъ поглядѣть. Полюбились кони царю и спрашиваетъ онъ у народа, чья эта пара коней и кто ихъ хозяинъ. Услыхалъ Иванъ, про что царь спрашиваетъ, вышелъ изъ-за братьевъ и говорить:

„Эта пара, царь, моя

„И хозяинъ—тоже я.

Спрашиваетъ тогда Ивана царь, какую цѣну хочетъ онъ за своихъ лошадокъ получить? Назначилъ Иванъ „десять шапокъ серебра“. Согласился царь и велитъ столько шапокъ полностью ему отмѣрить, а за лошадами приказалъ онъ придворныхъ конюховъ прислать, чтобы они ихъ на царскую конюшню свели. Пришли десять конюховъ и повели Ивановыхъ коней въ царскую конюшню, но до конюшни ихъ не довели: по дорогѣ кони сбили ихъ съ ногъ, уздечки свои оборвали и назадъ къ Ивану прибѣжали.

Узналъ объ этомъ царь, поѣхалъ опять къ Ивану и говоритъ ему: «Не даются нашимъ твои кони; видно, тебѣ самому придется ко мнѣ на службу поступить. Если согласенъ, то я сдѣлаю тебя старшимъ надъ всей моей конюшней.

«Будешь въ золотѣ ходить,
Въ красно платьѣ наряжаться,
Словно въ маслѣ сырѣ кататься».

Понравилась Ивану такая рѣчь царя; чѣмъ
не житье? А только хотѣлъ онъ теперь же сразу

«Эта пара, царь, моя
И хсяинъ—тоже я».

съ царемъ договориться, чтобы споровъ потомъ
не вышло и не пришлось бы такую хорошую
службу бросать. И говоритъ Иванъ царю:

«Чудно дѣло! Такъ и быть,
Стану, царь, тебѣ служить.

Только, чуръ, со мной не драться

И давать мнѣ высыпаться.

А не то—я былъ таковъ!> *).

На томъ и порѣшили. Поселился Иванъ во дворцѣ царскомъ; но прежде того отдалъ братьямъ, какъ обѣщаль, всѣ тѣ деньги, которыя онъ отъ царя за коней получилъ. Вернулись два старшихъ брата домой;

„Дома дружно подѣлились,

Оба въ разъ они женились,

Стали жить да поживать,

Да Ивана поминать“.

А Иванъ между тѣмъ свою службу царскую началъ. Но съ самаго начала не взлюбилъ его тотъ царедворецъ, изъ боярскихъ дѣтей, который прежде, до него, старшимъ конюшимъ былъ. Хоть и далъ ему теперь царь другую, болѣе почетную при себѣ должность—царскаго спальника, но только прежняя-то служба, вѣрно, ему болѣе мила (а, можетъ, прибыльнѣе) была; и возненавидѣлъ онъ Ивана такъ, что рѣшилъ всѣми правдами и неправдами ему навредить и даже поклялся, что онъ

Хоть пропасть, а приплеца

Вонъ протурить изъ дворца.

И вотъ узнать онъ въ скоромъ времени, что Иванъ своихъ коней златогривыхъ никому изъ конюховъ не довѣряетъ, а самъ днемъ въ конюшнѣ

*) Т. е. уйду прочь.

не бывает; и между тѣмъ наутро кони всегда прибранными оказываются, въ ясляхъ свѣжій кормъ насыпанъ, а чаны питьемъ доверху наполнены. „Эге-ге!“ думаетъ царскій спальникъ, „это мнѣ на руку. Тутъ ужъ навѣрно безъ нечистой силы не обходится; значитъ, новый-то нашъ конюшій съ ней знакомство водить. Кѣли такъ, надо за нимъ присмотрѣть да его изловить“. Вотъ идетъ позднимъ вечеромъ спальникъ въ конюшню царскую, зарывается съ головой въ овесъ и прислушивается. Не долго ждать пришлось, какъ отворилась дверь и вошелъ въ конюшню Иванъ. Запираетъ онъ дверь за собой, кладетъ на окно шапку, изъ шапки вынимаетъ тряпицы, а изъ тряпицъ Жаръ-птицево перо достаетъ и къ лошадамъ своимъ его несетъ. И освѣтило тутъ всю конюшню; сквозь овесъ даже свѣтъ прошелъ. Испугался нашъ спальникъ, и такая его дрожь отъ страху пробирать стала, что съ него овесъ осыпаться началъ, и могъ онъ видѣть, что въ конюшнѣ дѣлалось. Боялся онъ глаза открыть: думалъ, что страшнаго черта тамъ увидить. А смотреть— не чертъ а новый конюшій Иванъ по конюшнѣ ходитъ, коней своихъ златогривыхъ прибираетъ и Жаръ-птицевымъ перомъ работу себѣ освѣщаетъ. «Э! такъ вотъ оно что!», проворчалъ про себя спальникъ, «завтра наутро царь про все узнаетъ,—

Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня».

А Иванъ, не замѣчая того, что за нимъ спаль-

никъ подсматриваетъ, почистилъ лошадокъ своихъ, насыпалъ имъ корму, налилъ поила; потомъ аѣвнулъ, завернулъ перо опять въ тряпицу, а тряпицу снова въ шапку сунулъ; положилъ шапку на полъ, головой своей на нее легъ и захрапѣлъ на всю конюшню. Слышитъ спальникъ, что крѣпко уснулъ Иванъ;

Онъ тихохонько слѣзаетъ
И къ Ивану подползаетъ;
Пальцы въ шапку запустилъ,
Хватъ перо—и слѣдъ простылъ.

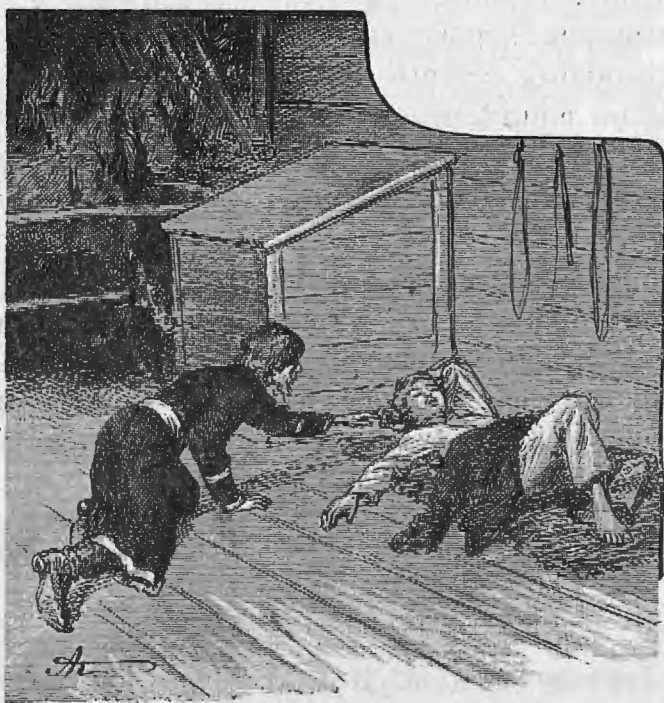
Побѣжалъ спальникъ прямо во дворецъ,
явился къ царю и говоритъ ему:

«Я съ повинной головою,
Царь, явился предъ тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мнѣ говорить».

Велитъ ему царь рассказать, что такое съ нимъ случилось, только чтобъ ничего при этомъ не утаивалъ, да и лишняго не прибавлялъ. Рассказалъ тогда спальникъ, какъ онъ у Ивана Жаръ-птицево перо увидалъ и какъ его укралъ. И вынулъ онъ то перо изъ тряпицы и царю показываетъ. Полюбовался царь на перо, а потомъ въ сундучекъ его положилъ и сундучекъ ключемъ заперъ. А спальникъ тѣмъ временемъ ему на ухо небылицы на Ивана нашептывать сталъ: похвалялся, будто, Иванъ самую Жаръ-птицу во дворецъ доставить, коли только царь прикажетъ. Разсердился царь, что самъ Иванъ

ему о томъ раньше ничего не говорить и онъ только стороной отъ посторонняго чловѣка узнаеть. Велить царь боярамъ Ивана тотчасъ же къ нему привести. Побѣжали бояре за Иваномъ въ конюшню, а онъ тамъ сладко такъ

«Онъ тихохонько слѣзаетъ
И къ Ивану подползаетъ».

спать продолжаетъ. Насилу бояре въ бока его растолкали, насилу растолковать могли, что царь немедля его предъ свои ясныя очи требуетъ.

Умылся Ивану, одѣлся, причесался, Богу помолился и наконецъ къ царю съ боярами пошелъ. И тутъ только замѣтилъ онъ, что изъ

шапки у него перо украдено. Пришли къ царю. Сердитъ былъ царь, что долго Ивана ожидать пришлось; а Иванъ, войдя къ царю, поклонился ему да и спрашиваетъ: «Зачѣмъ, царь, ты будить меня велѣлъ»? Осерчалъ тутъ царь еще больше и говоритъ: „А затѣмъ я привести тебя приказалъ, чтобы ты мнѣ объяснилъ, по какому-такому закону ты перо Жарь-птицы у себя въ шапкѣ утаилъ, а мнѣ не представилъ?“

— «А я на это спрошу тебя, царь,—говорить Иванъ,—какъ ты про то знать можешь, когда я тебѣ своей шапки не давалъ. Нѣтъ у меня никакого пера». —Открылъ тогда царь сундучекъ, развернулъ тряпицы и показываетъ Ивану Жарь-птицево перо. Испугался Иванъ; догадался онъ, что это то перо, которое изъ шапки его украдено было. Бросился онъ передъ царемъ на колѣни и говоритъ ему:

„Охъ, помилуй, виновать!

Отпусти вину Ивану,

Я впередъ ужъ вратъ не стану“.

Отвѣчаетъ царь Ивану: «Ну ужъ, такъ и быть, на этотъ разъ, тебя прощаю; только долженъ ты за это другую службу мнѣ сослужить. Узналъ я отъ челоуѣка вѣрнаго, что похвалялся ты самую Жарь-птицу во дворецъ доставить, если я прикажу. Такъ ты это исполни. Три недѣли сроку тебѣ на это даю, а если черезъ три недѣли Жарь-птицу ты мнѣ не представишь, то худо тебѣ будетъ, такъ и знай». Вздумалъ было Иванъ царя увѣрять, что никогда онъ ни-

чего такого не говорилъ, клялся даже, но не вѣрилъ ему царь и прочь съ глазъ своихъ прогналъ.

Опечалился Иванъ и горько заплакалъ, идетъ отъ царя и думаетъ: какъ ему волю царскую исполнить, какъ Жаръ-птицу изловить? И вспомнилъ онъ тутъ о Конькѣ-Горбункѣ: можетъ быть, онъ ему въ этомъ дѣлѣ поможетъ, добрый совѣтъ подастъ. Обрадовался Горбункъ, Ивана завидѣвши, запрыгалъ даже съ радости; но когда на глазахъ у Ивана слезы замѣтилъ, смутился, пересталъ прыгать и заботливо спрашиваетъ его:

«Что, Иванушка, не весель?

Что головушку повѣсилъ?»

Разсказалъ ему Иванъ про свое горе горькое, про приказъ царя. Говоритъ на это Горбункъ:

«Велика бѣда, не спору;
Но помочь могу я горю.
Отъ того бѣда твоя,
Что не слушался меня:
Помнишь, ѣхавши въ столицу,
Ты нашелъ перо Жаръ-птицы;
Я сказалъ тебѣ тогда:
Не бери, Иванъ, пера,
Много, много непокою
Принесетъ оно съ собою!
Вотъ теперь ты самъ узналъ—
Правду-ль я тебѣ сказалъ».

И велить добрый Горбунокъ Ивану, чтобы онъ къ царю пошелъ и достать Жаръ-птицу общалъ; но просилъ бы дать для этого два корыта, мѣшокъ пшена и бутылку заморскаго вина. Иванъ такъ и сдѣлалъ, а царь боярамъ приказалъ выдать Ивану то, что онъ требуетъ.

На другой день утромъ рано

Разбудилъ Конекъ Ивана:

«Эй, хозяинъ, полно спать.

Время дѣло исправлять!»

Сѣлъ Иванъ на Конька-Горбунка и отправились они въ путь. Ёдутъ цѣлую недѣлю и доѣзжаютъ до густого лѣса. Конекъ и говоритъ: «За этимъ лѣсомъ поляна будетъ, а на той полянѣ гора стоитъ, вся изъ серебра. Сюда-то и прилетаютъ передъ утренней зарей жаръ-птицы изъ ручья воды попить. Ты здѣсь ихъ и караулить будешь. Налей въ одно корыто вина, насыпь въ вино пшена и помѣшай, чтобы пшено виномъ пропиталось. А рядомъ поставь другое корыто, дномъ кверху, подлѣзь подъ него и жди. Какъ жаръ-птицы прилетятъ да начнутъ зерно клевать, ты изъ-подъ корыта вылѣзь и ту птицу, которая поближе, за хвостъ лови и въ мѣшокъ клади. А какъ поймашь, во весь свой голосъ меня зови, я и прибѣгу къ тебѣ.

Выѣхали они на поляну, поднялись по ко-согору. Остановился Горбунокъ и говоритъ: «Ну, Иванъ, скоро ночь. Начинай пригото-

вдаться, какъ я тебѣ сказалъ». Такъ Иванъ и сдѣлалъ. Подошелъ конецъ ночи и видитъ Иванъ изъ-подъ корыта, что жарь-птицы со всѣхъ сторонъ слетаться стали, и такой свѣтъ отъ нихъ шелъ, «словно батюшкина печь»—

Выползъ тутъ Иванъ потихоньку изъ-подъ корыта и одну птицу за хвостъ ухватилъ.

думаетъ Иванъ. Подлетаютъ птицы къ корыту и смоченное виномъ зерно клевать начинаютъ. Выползъ тутъ Иванъ потихоньку изъ-подъ корыта и одну птицу за хвостъ ухватилъ, въ мѣшокъ ее сунулъ и давай, что мочи было, Горбунка кликать. Явился передъ нимъ Гор-

бунокъ и говорить: «Ну бери, Иванъ, теперь мышокъ на спину и домой поѣдемъ». А Иванъ его просить сталъ: «Дозволь мнѣ, Горбунокъ, жарь-птицъ этихъ прежде погонять, а я посмотрю, какъ онѣ летать будутъ; больно ужъ красивы онѣ, когда летаютъ». И сталъ онъ мышкомъ своимъ и рукавицами вдоль и поперекъ махать, птицъ гонять, пока все онѣ прочь не отлетѣли.

Привезъ Горбунокъ Ивана назадъ въ столицу. Пошелъ Иванъ къ царю, а царь и спрашиваетъ: «Досталъ-ли ты мнѣ, Иванъ, Жарь-птицу»? — Досталъ, царь, — отвѣчаетъ Иванъ — и тебѣ ее покажу; только вели прежде окна и ставни закрыть, чтобы темнота въ комнатѣ была. Когда бояре, по приказу царя, это исполнили, открылъ Иванъ мышокъ и Жарь-птицу выпустилъ.

Свѣтъ такой тутъ вдругъ разлился,

Что весь людъ рукой закрылся;

Царь кричитъ на весь базаръ:

«Ахти, батюшки, пожаръ!

Эй, пожарныхъ созывайте!

Заливайте, заливайте!»

Сталъ Иванъ царя успокаивать и объяснять, что это вовсе не пожаръ, а свѣтъ отъ Жарь-птицы, которую, по его же приказу, онъ, Иванъ, изловилъ и ему въ подарокъ привезъ. Успокоился царь и похвалилъ Ивана:

«Вотъ люблю дружка — Ванюшу!

Взвеселилъ мою ты дуню,

И, на радости такой,
Будь ты—царскій стремянной»!

Стоялъ тогда тутъ между боярами и знакомый уже намъ царскій спальникъ, и разобрала его злость на Ивана пуще прежняго. «Ну постой-же—думаетъ онъ—не погубила тебя выдумка моя съ Жаръ-птицей, такъ я что-нибудь еще помудренѣе придумаю царю на тебя на-сказать, а ужъ тебя подъ бѣду подведу».

Недѣли черезъ три услышалъ спальникъ, какъ въ кухнѣ одинъ поваръ другимъ поварамъ сказку рассказывалъ, которую въ книжкѣ прочиталъ. Говорится въ той сказкѣ, будто далеко, за нѣмецкой землей, есть море—океанъ, и на томъ морѣ—океанѣ изъ православныхъ никто не бывалъ, а ѣздятъ только купцы басурманскіе. И тѣ купцы рассказываютъ, будто за моремъ—океаномъ живетъ царь-дѣвица, и дѣвица эта, будто, дочь мѣсяца и сестра солнцу. Когда поваръ сказку окончилъ, спальникъ сейчасъ же къ царю побѣжалъ, ту сказку ему рассказалъ и ужъ отъ себя прибавилъ, будто былъ тутъ-же и царскій стремянной Иванъ, который похвалялся, что онъ царь-дѣвицу хорошо знаетъ и можетъ ее въ царскій дворецъ привезти, если царь пожелаетъ.

Позвалъ царь Ивана и говоритъ ему: «Слышалъ я, что ты, Иванъ, съ царь-дѣвицей знакомъ и, если я тебѣ прикажу, можешь ко мнѣ во дворецъ ее представить. Скажу я тебѣ, что познакомиться съ царь-дѣвицей и я бы очень

хотѣлъ. Поэтому поѣзжай сейчасъ-же къ морю—океану и черезъ три недѣли царь-дѣвицу ко мнѣ привези». Пробовалъ было Иванъ царя увѣрять, что ничего такого онъ никогда и никому не говорилъ, что никакой царь-дѣвицы не знаетъ и о ней даже не слыхалъ, и что все это про него злые люди нагнали. Но царь и слушать Ивана не сталъ; разсердился, затресь бородою и закричалъ ему:

«Ну смотри,
Если ты недѣли въ три
Не достанешь царь-дѣвицу
Въ нашу царскую свѣтлицу,
То, клянуся бородой,
Ты расплатишься со мной!
Вонъ, холопъ»!

Заплакалъ Иванъ и пошелъ Конька-Горбунка повидать и ему свою печаль повѣдать. Выслушалъ его Горбунокъ и успокоилъ, что поможетъ ему приказъ царскій исполнить. Пусть Иванъ царю теперь же о томъ объявить и при этомъ скажетъ, что ему надо съ собой въ дорогу взять шитый золотомъ шатеръ, двѣ скатерти, обѣдъ изъ заморскихъ блюдъ и сладкаго питья для прохладенья. Велѣлъ царь все это Ивану дать и счастливаго пути ему пожелать.

Отправились Иванъ съ Конькомъ-Горбункомъ въ путь дорогу. Ыхали цѣлую недѣлю и на восьмой день до густого лѣса доѣхали. И говоритъ Горбунокъ: „Вотъ за этимъ лѣсомъ

океанъ начнетъ. Какъ до него доѣдемъ, ты на берегу шатерь раскинь, скатерти разстели, а на нихъ кушанья и питье поставь. А самъ за шатромъ спрячься и жди. Поѣстъ въ шатрѣ царь-дѣвица, попьетъ, а потомъ на гусляхъ заиграетъ, которыя съ собою привезетъ. Тутъ ты ее и хватай, да крѣпче держи, и меня зови“.

Подплыла лодка къ берегу, царь-дѣвица изъ нея вышла и прямо къ шатру пошла.

Приѣхали на берегъ и тамъ остановились. Раскинулъ Иванъ шатерь златошвейный, скатерти разостлалъ и поставилъ на нихъ все

то, что съ собой привезъ. Показалъ тогда Горбунокъ Ивану вдали въ океанѣ лодку, на которой царь-дѣвица къ берегу плыла; сидѣла она въ лодкѣ одна и весломъ сама лодкой правила. Пришелъ Иванъ за шатеръ, а въ шатрѣ дыру въ нутро проткнулъ, чтобы за царь-дѣвицей наблюдать можно было. Подплыла лодка къ берегу, царь-дѣвица изъ нея вышла и прямо къ шатру пошла. Поѣла она, попила и на гуслихъ играть стала, да такъ сладко при этомъ подпѣвать начала, что Ивана словно убаюкала: захотѣлось ему спать, и заснулъ онъ такъ крѣпко, что и не слыхалъ, какъ царь-дѣвица опять въ лодку сѣла и домой поѣхала.

Горбунокъ межъ тѣмъ все ждалъ, когда же наконецъ, по уговору, Иванъ его позоветъ. Усталъ ждать, даже беспокоиться началъ. Вѣжитъ къ шатру—шатеръ уже пустой; обѣгаетъ его кругомъ и видитъ, что Иванъ, растянувшись у шатра, сладко спитъ. Насилу растолкалъ его Горбунокъ своими копытами и сталъ сердито его упрекать, что не сдѣлалъ онъ того, за чѣмъ сюда пріѣхалъ: вмѣсто того, чтобы царь-дѣвицу поймать,—онъ ее проспалъ. Созналъ вину свою Иванъ, началъ онъ Горбунка обнимать и прощенья у него за этотъ разъ просить: „я впередъ ужъ спать не стану“—обѣщаетъ онъ. Пожалѣлъ Горбунокъ Ивана и говоритъ ему:

„Ну, ужъ Богъ тебя проститъ;
Все поправимъ, можетъ статься,

Только чуръ, не засыпаться!
Завтра, рано поутру,
Къ златопшвейному шатру
Приплыветъ опять дѣвица
Меду сладкаго напиться.
Если жъ снова ты заснешь
Головы ужъ не снесешь“.

Какъ сказалъ Конекъ, такъ и случилось. На утро, дѣйствительно, приплыла царь-дѣвица и въ шатеръ вошла. Иванъ, какъ и вчера, за шатромъ помѣстился; а когда царь-дѣвица снова на гусляхъ заиграла и такъ же сладко запѣла, Ивана опять сонъ одолѣвать сталъ. Но вспомнилъ онъ обѣщаніе, какое Коньку далъ, и не поддался онъ сну на этотъ разъ, а вбѣжалъ въ шатеръ, крѣпко царь-дѣвицу за косу схватилъ и сталъ Конька Горбунка къ себѣ звать. Прибѣжалъ Горбунокъ; сѣлъ на него Иванъ, посадилъ съ собою и царь-дѣвицу; и отправились они къ царю.

Приѣхали въ столицу, и повелъ Иванъ царь-дѣвицу во дворецъ царскій. Увидалъ ихъ царь, на встрѣчу къ царевнѣ выбѣгаетъ, за руку ее беретъ и во дворецъ ведетъ. Сажаютъ ее тамъ подъ занавѣсъ шелковый и уговариваетъ выйти за него замужъ:

„Молви ласковое слово!

Все для свадьбы ужъ готово;

Завтра-жъ утромъ, свѣтикъ мой,

Обвѣнчаемся съ тобой“!

Не согласилась на это царь-дѣвица и объ-

явила царю, что о свадьбѣ ей теперь и думать нельзя, потому что у нея горе случилось: упалъ въ море сундучекъ съ ея перстнемъ. И вотъ пока этотъ перстень не найдется, она замужъ ни за кого не пойдетъ.

Опечалился царь, задумался;—какъ тутъ горю помочь, какъ перстень со дна океана достать? И пришелъ ему на мысль его вѣрный Иванъ: два дѣла трудныя, вѣдь, онъ для него сдѣлалъ; можетъ, и третью службу не откажетъ сослужить. Зоветъ царь Ивана и говоритъ, что надо ему, Ивану, не медля на океанъ ѣхать, царевнинъ перстень на его днѣ отыскать и со дна его достать. Обидѣлся даже Иванъ. «Я только что—говорить — съ океана пріѣхалъ, отдохнуть съ дороги не успѣлъ, еле ноги волочу, а ты меня опять назадъ къ океану посылаешь. Зачѣмъ такъ торопиться?»

„Какъ же мнѣ не торопиться?

Видишь—я хочу жениться!“

Царь со гнѣвомъ закричалъ

И ногами застучалъ.

Услыхала царь-дѣвица, что царь на океанъ Ивана посылаетъ, и просить его заѣхать по пути въ ея свѣтлый теремъ, поклониться матери и брату и спросить ихъ, почему они вотъ уже три дня и три ночи скрываютъ отъ нея свои свѣтлыя лица. Хотѣлось бы Ивану и это порученіе за одно исполнить, но только просить онъ царь-дѣвицу сперва объяснить ему, кто такіе ея мать и братъ, къ которымъ она

его посылаетъ. Онъ говорить ей:

— „Да вѣдь надо же мнѣ знать,
Кто твой братецъ и кто мать,
Чтобъ въ роднѣ-то мнѣ не сбиться“.—
Говорить ему дѣвица:
«Мѣсяцъ—мать мнѣ, солнце—братъ».

Нелегкую задачу дали теперь Ивану царь и царевна. Невеселый пошелъ онъ домой и отправился прямо къ Коньку-Горбунку. «Что, Иванушка, не весель? что головушку повѣсилъ?» спрашиваетъ его опять Горбунокъ. Разказалъ ему Иванъ свое горе: царь приказалъ на днѣ моря перстень отыскать, а царевна велѣла въ ея теремъ заѣхать, кое-о-чемъ родныхъ ея спросить и отвѣтъ привезти. Утѣшилъ его Горбунокъ, обѣщаль, что и это дѣло будетъ исполнено, и завтра же рано утромъ поѣдутъ они къ океану кольцо царевнино искать и ея родныхъ повидать.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано: на утро отправились они въ путь.

„Ну-съ, такъ ѣдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на океанъ.
Горбунокъ летитъ, какъ вѣтеръ
И, въ починъ, на первый вечеръ *),
Версть пять тысячъ отмахаль
И нигдѣ не отдыхаль...
Подъѣзжая къ океану,
Говоритъ Конекъ Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,

---

*) Т. е. къ вечеру перваго дня.

Вотъ минутки черезъ три
Мы пріѣдемъ на поляну,
Прямо къ морю—океану;
Поперекъ его лежитъ
Чудо-юдо рыба китъ.
Десять лѣтъ ужъ онъ страдаетъ,
А доселева не знаетъ,
Чѣмъ прощенье получить.
Онъ начнетъ тебя просить,
Чтобъ ты въ солнцевомъ селенѣ
Испросилъ ему прощенье.
Ты исполнишь обѣщай,
Да смотри-жъ не забывай!»

Доѣхали до океана, увидали и кита. И дѣйствительно, несчастный видъ у этого кита былъ! Лежалъ онъ неподвижно на водѣ, на его спинѣ село стояло, на головѣ и на хвостѣ деревья росли, между деревьями дѣвушки грибы собирали, кое-гдѣ крестьяне пахали, кое-гдѣ мальчишки плясали.

Поднялся Конекъ съ Иваномъ на кита и по нему поѣхалъ. Услышалъ китъ топотъ копытъ Горбунка и спрашиваетъ: кто и куда ѣдетъ? Отвѣчаетъ ему Иванъ, что посланъ онъ царь-дѣвицею въ ея небесный теремъ, чтобы съ родней ея повидаться и кое о чемъ распросить. Сталъ тогда китъ Ивана умолять, чтобъ разузналъ онъ тамъ въ царевниномъ теремѣ, за какое преступленіе онъ, китъ, такъ долго страдаетъ и что надо ему сдѣлать, чтобы помилованнымъ быть.

„Будь отецъ мнѣ милосердный!

Вишь, какъ мучуся я бѣдный,

Десять лѣтъ ужъ тутъ лежу...

Я и самъ те услужу“;

Китъ Ивана умоляетъ;

Самъ же горько воедыхаетъ.

— Ладно, ладно рыба-китъ!—

Нашъ Иванъ ему кричитъ.

Сѣхали Горбунокъ и Иванъ съ кита на
берегъ и поѣхали дальше.

Ѣдутъ близко-ли, далеко-ль,

Ѣдутъ низко-ли, высоко-ль,

И увидѣли-ль кого—

Я не знаю ничего.

Только, братцы, я узналъ;

Что Конекъ туда вѣжалъ,

Гдѣ (я слышалъ стороною)

Небо сходится съ землею,

Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,

Прялки на небо кладутъ.

Тутъ Иванъ съ землей простился

И на небѣ очутился.

„Эко диво! эко диво!

«Наше царство хоть красиво»,

Говоритъ Коньку Иванъ

Средь лазоревыхъ полянъ,

„А какъ съ небомъ-то сравнится,

Такъ въ подметки не годится;

Что земля-то?.. вѣдь она

И черна-то и грязна;

Здѣсь земля-то голубая,

А ужъ свѣтлая какая!“...

Вотъ завидѣлъ Иванъ вдали свѣтлый высокій домъ и спрашиваетъ Горбунка, что это за зданіе.

„— Это теремъ царь-дѣвицы,
Нашей будущей царицы“!
Горбунокъ ему кричитъ:
«По ночамъ здѣсь Солнце спитъ.
А полуденной порою
Мѣсяцъ входитъ для покою».

Сюда-то, значитъ. и надо было, по приказанію царь-дѣвицы, пріѣхать Ивану. Вѣхали во дворъ. Входитъ Иванъ въ теремъ, идетъ къ Мѣсяцу и передаетъ ему все то, что поручила сказать царь-дѣвица. Обрадовался Мѣсяцъ, что получилъ наконецъ вѣсточку о любезной дочкѣ своей, которую онъ ужъ и въ живыхъ не считалъ, и началъ онъ Ивана обнимать и цѣловать. „Ты не можешь себѣ и представить, Иванушка, какъ ты насъ порадовалъ. Сильно мы о царь-дѣвицѣ затосковали, думали — совсѣмъ она пропала. Оттого-то я все это время такой хмурый и туманный былъ, и братецъ ея, Солнце ясное, совсѣмъ мрачный по небу ходилъ. Ты такъ царь-дѣвицѣ отъ насъ и передай. Ну, а скажи мнѣ, какъ сама-то она поживаетъ?“ — Тоже все тоскуетъ, — отвѣчаетъ Иванъ. Да и тѣломъ-то она у васъ очень ужъ худощава была. Ну, да авось послѣ свадьбы толстѣть начнетъ; вѣдь, нашъ царь на ней жениться хочетъ. — Испугался Мѣсяцъ такой вѣ-

ети: зналъ онъ, что царю уже семьдесятъ лѣтъ и даже подумать поэтому не могъ, чтобы онъ на его молодой дочкѣ жениться задумалъ.

„Мѣсяцъ вскрикнулъ: „Ахъ, злодѣй!

„Вздумалъ въ семьдесятъ жениться

„На молоденькой дѣвицѣ!

„Вишь, что старый хрѣнъ затѣялъ“!

И просить онъ Ивана передать, царь - дѣвицѣ, чтобъ она о томъ не печалилась, — свадьбѣ этой никогда не бывать; а что замужъ она дѣйствительно скоро выйдетъ, но за молодого и красиваго.

Вспомнилъ тутъ Иванъ про то, о чемъ его китъ просилъ, и спрашиваетъ у Мѣсяца, за что тотъ китъ страдаетъ и какъ ему прощенье получить. Отвѣчаетъ ему Мѣсяцъ, что наказанье на кита наложено за то, что, плавая по океану, проглотилъ онъ и держитъ внутри себя три десятка кораблей; а какъ только на свободу ихъ выпустить, такъ и прощенье получить.

Попрощались они затѣмъ, и Иванъ съ Горбункомъ тѣмъ же путемъ обратно домой поѣхали. Когда на кита вѣхали, собралъ Иванъ весь народъ, какой на немъ жилъ, и объявилъ, что кто не хочетъ въ водѣ тонуть, тотъ чтобы сейчасъ же съ кита прочь уходилъ, потому что китъ скоро шевелиться начнетъ. Ставъ запрягать тогда народъ телѣги, въ нихъ все добро свое складывать и на берегъ перебираться. Когда всѣ съѣхали, соскочилъ и Гор-

бунокъ съ Иваномъ на землю. И сказалъ тогда Иванъ киту то, что отъ Мѣсяца по его просьбѣ

узналъ. Когда онъ кончилъ, пошевелился китъ и началъ изъ своего нутра корабль за кора-

блемъ выпускать; и какъ всѣ тридцать кораблей выпустилъ, говорить онъ Ивану:

„Чѣмъ вамъ, други, услужить?

Чѣмъ за службу наградить?

Надо-ль раковинъ цвѣтистыхъ?

Надо-ль рыбокъ золотистыхъ?

Надо-ль крупныхъ жемчуговъ?

Все достать для васъ готовъ!“

— „Нѣтъ, кить-рыба, намъ въ награду

Ничего того не надо“,

Говорить ему Иванъ:

«Лучше перстень намъ достань,

Перстень, знаешь, царь-дѣвицы,

Нашей будущей царицы».

— «Ладно, ладно! для дружка

И сережку изъ ушка!

Отыщу я до зарницы *)

Перстень красной царь-дѣвицы»,

Кить Ивану отвѣчалъ

И, какъ ключъ, на дно упалъ.

Опустившись на дно, кить велѣлъ позвать къ себѣ осетровъ и приказалъ имъ сундучекъ царевнинъ непременно до вечера найти и на берегъ доставить. Отправились осетры приказъ этотъ исполнять, все море обошли, но сундучка отыскать не могли. Плынуть они назадъ, со страхомъ докладываютъ киту о своей неудачѣ и добавляют:

---

*) До вечерней зарн.

„Только ершъ одинъ у насъ
Могъ бы исполнить твой приказъ:
Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,
Такъ ужъ вѣрно перстень знаетъ.
Но его, вотъ какъ на зло,
Вдругъ куда-то унесло“.
— Отыскать его въ минуту!—
Китъ сердито закричалъ.

Оробѣли осетры, бросились отъ кита прочь;
плывутъ и думаютъ, кто бы имъ помогъ ерша
разыскать. Встрѣчаютъ они двухъ дельфиновъ
и отъ имени кита объявляютъ имъ его царскій
приказъ о немедленномъ розыскѣ и приводѣ
къ нему пропавшаго ерша. Пустились дель-
фины въ путь, искали и въ моряхъ, и въ рѣ-
кахъ, но нигдѣ ерша найти не могли, такъ что
рѣшили уже было назадъ къ царю-киту безъ
ерша плыть....

„Вдругъ дельфины услышали
Гдѣ-то въ маленькомъ прудѣ
Крикъ неслыханный въ водѣ.
Въ прудъ дельфины завернули
И на дно его нырнули..
Глядь: въ прудѣ, подъ камышемъ,
Ершъ дерется съ карасемъ.
«Смирно! черти-бъ васъ побрали!
Вишь, содомъ какой подняли,
Словно важные бойцы»!
Закричали имъ гонцы.
— „Ну, а вамъ какое дѣло“?
Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло:

„Я шутить, вѣдь, не люблю,
Мигомъ всѣхъ переколю“!

— „Охъ ты, вѣчная гуляка,
И крикунъ и забіяка!

Все-бы, дрянъ, тебѣ гулять,
Все-бы драться да кричать;
Дома—нѣтъ, вѣдь, не сидится!..

Ну, да что съ тобой возиться,—
Вотъ тебѣ царевъ указъ,
Что-бъ ты плылъ къ нему сейчасъ.

Тутъ проказника дельфины

Подхватили за щетины

И отправились назадъ.

Ершъ ну рваться и кричать:

„Будьте мигостивы, братцы,

Дайте чуточку подраться.

Распроклятый тотъ карась

Все ругалъ меня вчераъ,

При честномъ при всемъ собраньи,

Неприличной разной брайнью“.

Долго ершъ еще кричалъ,

Наконецъ и замолчалъ;

А проказника дельфины

Все тащили за щетины,

Ничего не говоря,

И явились предъ царя.

— „Что ты долго не являлся?

Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?“

Китъ со гнѣвомъ закричалъ.

На колѣни ершъ упалъ

И, признавшись въ преступленьи,

У кита просилъ прощенья.

— «Ну, ужъ Богъ тебя простить»!

Китъ державный говоритъ:

«Но за это преступленье

Ты исполни повелѣнѣ».

— «Все исполню, славный китъ»!

На колѣняхъ ершъ пищитъ.

— «Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,

Такъ ужъ вѣрно перстень знаешь

Царь-дѣвицы?» — «Какъ не знать!

Можемъ разомъ отыскать».

— «Такъ ступай-же поскорѣе

Да неси его живѣе».

Тутъ, отдавъ царю поклонъ,

Ершъ пошелъ оттуда вонъ;

Съ полминуты порѣзвился,

Въ черный омутъ опустился

И, разрывъ на днѣ песокъ,

Вырылъ красный сундучекъ.

Вырыть-то онъ вырылъ, но не только что поднять, а и съ мѣста сдвинуть его не могъ. Зоветъ ершъ осетровъ и, отъ царскаго имени, приказываетъ имъ тотъ ящикъ съ перстнемъ поднять и царю-киту доставить. Разомъ подхватили осетры ящикъ и на поверхность воды его вынесли. Говоритъ тогда имъ ершъ:

»Ну, ребятуншки, смотрите,

Вы къ царю теперь плывите;

Я-жъ пойду теперь ко дну,

Да немножко отдохну:

Что-то сонъ одолѣваетъ,

Такъ глаза вотъ и смыкаетъ».

Осетры къ царю щывутъ,
Ершь гуляка прямо въ прудъ,
Изъ котораго дельфины
Утащили за щетины:
Знать, додраться съ карасемъ
(Я не вѣдаю о томъ).

Доставили осетры киту ящикъ съ царевни-
нымъ перстнемъ. Похвалилъ ихъ китъ на этотъ
разъ и приказалъ ящикъ на берегу поставить,
на томъ мѣстѣ, гдѣ Иванъ сидѣлъ.

А Иванъ, какъ сѣлъ перстня дожидаться,
такъ на томъ-же мѣстѣ и оставался. Уже
солнце къ закату склоняться стало, и началъ
Иванъ въ словѣ кита сомнѣваться: «объщать-то
объщалъ, а, кажется, надутъ насъ задумалъ;
какъ мнѣ тогда къ царю на глаза показаться?»
Оглянувшись Иванъ,—а сундучекъ ужъ на песокъ
стоитъ: это осетры его на берегъ вытолкнули.
Обрадовался Иванъ и пошелъ объ этомъ Гор-
бунку сказать, который тутъ-же неподалеку
спалъ. Обрадовался и Горбунокъ и сталъ Ивана
торопить домой ѣхать: «А то, говоритъ, ста-
рикъ-то царь не умеръ-бы отъ нетерпѣнья,
тебя дожидаясь.»

Приѣхали они домой, и понесъ Иванъ па-
ревнинъ сундучекъ къ царю. Завидѣвъ его
царь съ крыльца, навстрѣчу ему выбѣжалъ и
сундучекъ въ свою свѣтлицу отнесъ. Пошелъ
онъ потомъ къ царь-дѣвицѣ и съ радостью
объявилъ ей, что перстень ея нащелся и что,
значить, теперь ужъ никакого прецѣдства нѣтъ

на завтра же свадьбу ихъ назначить. Но царь-дѣвица на это царю отвѣтила, что хоть перстень и нашелся, а она все-таки за него замужъ не пойдетъ, потому что онъ некрасивый, старъ, сѣдой, беззубый.

«Погляди-ка, ты вѣдь сѣдъ,
Мнѣ-жъ всего пятнадцать лѣтъ;
Какъ же можно намъ вѣнчаться?
Всѣ цари начнутъ смѣяться:
Дѣдъ-то, скажутъ, внучку взять!»!
Царь со гнѣвомъ отвѣчалъ:
«Пусть-ка только засмѣются,—

У меня какъ разъ свернутся:

Всѣ ихъ царства полоню!

Весь ихъ родъ искорёню!»

— «Пусть не стануть и смѣяться,

Все же намъ нельзя вѣнчаться:

Не растутъ зимой цвѣты!

Я красавица, а ты?

Чѣмъ ты можешь похвалиться?»

Говорить ему дѣвица.

Царь на это отвѣчалъ:

«Какъ немножко приберуся,

Хоть кому такъ покажуся

Разудалымъ молодцомъ».

Царь-дѣвица молвить снова:

„Стань, какъ прежде, молодецъ—

Я тотчасъ же подъ вѣнецъ“.

И, по просьбѣ царя, рассказываетъ она, что онъ долженъ сдѣлать, чтобы снова молодымъ стать. „Ты долженъ—сказала она—приказать твоимъ людямъ три большіе чана на дворцовомъ дворѣ поставить: одинъ съ холодной водой, другой съ теплой, а третій пусть молокомъ нальютъ, подъ нимъ костеръ дровъ положить и зажгутъ. Когда молоко закипитъ, ты, царь, все твое платье сними и въ молоко полѣзай; немножко тамъ посиди и въ теплую воду переиди, а затѣмъ и въ холодную. И изъ третьяго-то котла ты такимъ молодымъ красавцемъ выйдешь, что ни въ сказкѣ рассказать, ни перомъ не написать. Тогда и замужъ я за тебя пойду“.

Заманчивымъ показалось царю то, что царь-дѣвица говорила, но и страшновато. Съ одной стороны, очень ужъ ему жениться на ней хотѣлось, а съ другой—боялся, какъ-бы въ кипящемъ-то молокѣ больно не обжечься. Пока онъ раздумывалъ, что бы царевнѣ отвѣтить, она и ушла отъ него.

Советъ царь Ивана, рассказываетъ ему про то, что царевна предлагаетъ, и проситъ Ивана на себѣ испробовать, правду-ли она говоритъ:

„Тебѣ надо постараться
Ради пробы искупаться
Въ этихъ трехъ большихъ котлахъ:
Въ молокѣ и двухъ водахъ“.

Обиднымъ показалось Ивану такое предложеніе царя и онъ грубо сказалъ ему:

„Шпарять только поросятъ
Да индюшекъ, да цыплятъ;—
А, вѣдь, я не поросенокъ,
Не индюшка, не цыпленокъ!“

Разсердился царь на такія слова; не могъ онъ переносить, чтобы кто-нибудь безпрекословно его приказанія не исполнилъ. И напустился онъ на Ивана:

Закричалъ онъ: „Ну, смотри!
Если ты въ разсвѣтъ зари
Не исполнишь повелѣнья,—
Я отдамъ тебя въ мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкамъ разрывать!..“

Зналъ Иванъ, что царь шутить не любитъ, и такой на него отъ этихъ царскихъ словъ страхъ напалъ, что горькими слезами онъ заплакалъ и со всѣхъ ногъ отъ царя бѣжать пустился да прямо къ Коньку Горбунку прибѣжалъ.

„Что, Иванушка, не веселъ?

Что головушку повѣсилъ?“

Говорить ему Конекъ:

„Знать, нашъ старый женишокъ

Снова выкинулъ затѣю?“

Со слезами рассказалъ Иванъ Горбунку новую затѣю недобраго царя. Подивился такой царской злобѣ Горбунокъ и говоритъ Ивану чтобы онъ, когда раздѣнется и будетъ готовъ въ котелъ съ молокомъ лѣзть, попросилъ бы царя (который въ то время съ крыльца смотрѣть будетъ) его, Горбунка, къ нему проститься прислать, такъ какъ имъ, молъ, можетъ быть, и увидѣться больше не придется. Царь на это согласится и велитъ Горбунка къ кипящему котлу привести. И вотъ когда онъ къ котлу подойдетъ, морду свою въ котелъ окунетъ, на Ивана молокомъ брызнетъ и хвостомъ махнетъ, тогда Ивану надо въ молоко нырнуть, а потомъ и въ другихъ двухъ котлахъ побывать; и выйдетъ онъ изъ третьяго котла красавецъ—красавцемъ.

Какъ говорилъ Конекъ-Горбунокъ, такъ все и случилось. Захотѣлось тогда и самому царю такимъ же молодымъ и красивымъ сдѣлаться:

значить, царь-дѣвица его не обманывала. Полѣзь онъ въ горячее молоко, окунулся въ него,

Весь народъ тутъ закричалъ, что онъ съ радостью на это согласенъ. И пастало общее веселье!

да тамъ и остался, назадъ ужъ не показывался. Сталъ народъ баграми въ котлѣ ощупы-

вать, да ничего не нащупали; пропаль, значить, царь,—исчезъ куда-то безъ слѣда.

Доложили объ этомъ царь-дѣвицѣ. Вышла она къ народу и объявила, что не стало у нихъ царя и что хочетъ она у нихъ царицей быть, но только если они согласны, чтобы царемъ былъ Иванъ, за котораго она замужъ выходитъ. Весь народъ тутъ закричалъ, что онъ съ радостью на это согласенъ. И настало общее веселье!

Пушки съ крѣпости палятъ,

Въ трубы мѣдныя трубятъ;

Всѣ подвалы отворяютъ,

Бочки съ медомъ выставляютъ,

И, напившись, народъ

Что есть мочушки деретъ:

„Здравствуй, царь нашъ и съ царицей,

Съ распрекрасной царь-дѣвицей“!

Во дворцѣ же пиръ горой:

Вина льются тамъ рѣкой;

За дубовыми столами

Пьютъ бояре со князьями...

Сердцу любо!.. Я тамъ былъ,

Медъ, вино и пиво пилъ;

По усамъ хоть и бѣжало,

Въ ротъ ни капли не попало.

ИЗДАНИЯ

Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

I. Отдѣлъ біографическій.

А. РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ И ИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯ: М. В. Ломоносовъ 5 к. Г. Р. Державинъ 5 к. Д. И. Фонвизинъ 8 к. В. А. Жуковский 8 к. Н. М. Карамзинъ 10 к. Дѣдушка Крыловъ 10 к. А. С. Грибоедовъ 10 к. А. С. Пушкинъ 7 к. Значеніе А. С. Пушкина 7 к. М. Ю. Лермонтовъ 10 к. Н. В. Гоголь 10 к. А. В. Кольцовъ 5 к. И. С. Никитинъ 8 к. А. И. Герценъ 8 к. Семья Аксаковыхъ 10 к. А. С. Хомяковъ 8 к. Ф. И. Тютчевъ 5 к. Н. А. Некрасовъ 10 к. И. С. Тургеневъ 10 к. Ф. М. Достоевскій 12 к. Гр. А. К. Толстой 10 к. А. Н. Островскій 10 к. А. Ф. Писемскій 8 к. Н. С. Лѣсковъ 8 к. Д. В. Григоровичъ 8 к. А. Н. Майковъ 8 к. А. А. Фетъ 5 к. Я. П. Полонскій 6 к. А. П. Чеховъ 8 к.

Б. Жизнь И. П. Кулибина 8 к. М. И. Глинка 8 к. Отецъ ничьихъ дѣтей 5 к.

II. Разсказы, повѣсти и стихи.

А. С. ПУШКИНЪ Русланъ и Людмила 20 к. Кавказскій плѣнникъ 10 к. Бахчисарайскій фонтанъ 6 к. Цыганы 4 к. Мѣдный Всадникъ 6 к. Борисъ Годуновъ 12 к. Скупой Рыцарь 8 к. Русалка 10 к. Сказки 20 к. Разныя стихотворенія 15 к. Евгеній Онѣгинъ 5 к. Выстрѣлъ

6 к. Метель 6 к. Гробовщикъ 4 к. Барышня-крестьянка 10 к. Станционный смотритель 6 к. Полтава 5 к. Капитанская дочка 10 к.

Н. В. ГОГОЛЬ: Тарасъ Бульба 5 к. и др. **Л. Н. ТОЛСТОЙ:** Хозяинъ и работникъ 6 к. **А. П. СѢТКОВА (КАТЕНКАМПЪ):** Архангельскіе китоловы 15 к. Болгарка Марца 25 к. Братъ, или деревенское семейное дѣло 5 к. Повѣсть объ атаманѣ Бѣлякѣ и княжичѣ Феодорѣ 35 к. Роковой нладъ 12 к. Старикъ Никита и его три дочери 8 к. На Смоленской дорогѣ 25 к. Тоже въ папкѣ 50 к. Артель босяковъ — к.

Г. СѢВЕРЦОВЪ - ПОЛИЛОВЪ. Разсказы. 10 к.

А. Н. КАНАЕВЪ. Чужое добро — въ прокъ не идетъ. 10 к.

— Княгиня Ольга 10 к. Грѣхъ Ивана Ивановича 8 к. Колоколь Святого Духа 8 к. Купецъ Иголкинъ и его подвигъ 4 к. Татарскіе набѣги 8 к. Извозчикъ Климъ 5 к. Мореходъ Никитинъ 4 к. Псалтырникъ 6 к. Чистыя сердца 7 к. Старица Фіонія 6 к. Тонулъ да выплылъ 8 к. Сказки и пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ 5 к. Русская правда 5 к. Пожарный 5 к. Параша Сибирячка 15 к. Русскіе въ Манчжуріи 5 к.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ РОМАНАХЪ и ПОВѢСТЯХЪ.

Послѣдовательная хронологія.

Книга первая—Отъ Смутаго времени до Петра Великаго Ц. 40 к.

Книга вторая—Время Петра Великаго Ц. 35 к.

СБОРНИКИ СТИХОТВОРЕНІЙ.

(Для прочтенія дома, въ школѣ и въ народныхъ аудиторіяхъ).

I. Хвала Богу. Изд. 2-е. 25 к. **II.** Разсказы духовно-нравственнаго содержанія. Съ 5 картинъ въ текстѣ 15 к. **III.** „Слава родной земли“. Событія изъ русской исторіи. Гимны и пѣсни славы 12 к. **IV.** Пѣсни и бытовыя стихотворенія 10 к. **V.** Сказки и были 15 к.

На Смоленской дорогѣ.

Повѣсть для юношества (разсказъ изъ войны 1812 г.) **А. П. СѢТКОВОЙ (КАТЕНКАМПЪ).** Изд. 6-е съ 11 рисун. Цѣна 25 к., въ папкѣ на лучш. бумагѣ 50 к.

Полный каталогъ изданій Коммисіи народныхъ чтеній (Екатерининскій каналъ, 14) высылается бесплатно.

15619
4907

2

ГПБ Русский фонд

34.84.5.938.